

H. P. Mansfield

Константин Михайлович Станюкович Дяденька Протас Иванович

OCR & SpellCheck: Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159202

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 1.: Правда; М.;
1977

Аннотация

Основой для рассказа послужил один из очерков цикла “Картинки общественной жизни”, напечатанный в журнале “Дело”, 1882, за подписью: Откровенный писатель.

Содержание

I	4
II	11
III	26
IV	33
Примечания	37

Константин Михайлович Станюкович Дяденька Протас Иванович

I

Не он ли, Протас Иванович, пользовавшийся в Коломне и на Песках, где живут многочисленные его родственники, репутацией человека гениального ума (“готовился в ветеринары, а куда метнул!” – прибавляли обыкновенно при этом), не стеснявшегося попросту говорить “правду-матку” в глаза непосредственному своему начальству, – не он ли, бывало, торжественно восклицал, бия увесистым кулаком по своей широчайшей груди:

– У меня хищение?! Я давно искоренил хищение. У меня строгий порядок... Чиновник у меня – верный, добрый, бессребренный чиновник... У меня...

И, не находя более слов, под бременем охватывавших его благородных чувств, дяденька Протас Иванович обыкновенно схватывал меня за руку и подводил

к стене кабинета, которая сплошь была увешана различными картами и таблицами.

– Смотри, скептик!.. Видишь? У меня тут всё, как на ладони! Весь механизм администрации в графическом изображении. Отсюда я все вижу и все знаю...

Я обыкновенно смотрел на эти красиво раскрашенные карты и таблицы, пестревшие красными, синими, зелеными и черными кружками, линиями и черточками, против которых стояли красиво выведенные цифры, – и восхищался.

– Действительно, дяденька... Превосходные таблицы!

– То-то! На них все показано... все до малейшей подробности...

– Верны ли они?

– Я, братец, два года этим занимался... Двенадцать чиновников работали над ними...

– Положим, дяденька, по этим таблицам вы можете представлять себе...

– Не представлять, а знать! – резко перебивал Протас Иванович.

– Но есть ли у вас диаграмма нравственных качеств ваших подчиненных?..

Дяденька, питавший необычайную слабость к всевозможным статистическим таблицам и графическим изображениям, на минуту был озадачен моим вопро-

сом.

“В самом деле, не дал ли он маху? Почему у него нет такой таблицы?” – говорило, казалось, его широкое, скуластое лицо, на котором блестели маленькие глазки. Мысль эта, по-видимому, очень заинтересовала его, и гениальная голова уже разрабатывала ее с быстротой, обычной в характере Протаса Ивановича Мордасова.

Недаром он часто говорил: “Во всем нужны, братец, быстрота и русская сметка... Русский человек всякое дело обмозгует. Вот я по ветеринарии курс кончил, а слава богу... Да назначь меня хоть адмиралом... не бойсь, не ударю лицом в грязь... Главное: здравый смысл!”

– Такой таблички у меня, по правде сказать, нет! – ответил, наконец, дяденька и даже несколько сконфузился. – Но ты мне подал мысль... Я прикажу составить такую... Как ты назвал?

– Диаграмма...

– Да, диаграмму... Завтра же велю сделать... Это в самом деле очень просто и удобно... Вместо того чтобы справляться в списке о чиновниках, я сейчас же взгляну на таблицу и... шабаш! Вполне благонадежный чиновник будет обозначен лиловым кружком, просто благонадежный – синим, а внушающий опасения – черным... Это, братец, отлично!..

Через два дня в кабинете прибавилась новая таблица, и дядя ликовал. Показывая мне ее, он, впрочем, заметил:

– Конечно, табличка облегчает справки, но я и без нее отлично знаю, каковы у меня подчиненные... Превосходно знаю. Выбор у нас не то, что в других местах. Я сперва выисповедаю человека, и как он уйдет от меня, я его насквозь понимаю... Конечно, кое-какие злоупотребления могут быть – тут никто ничего не подделает – но чтобы хищение, систематическое хищение... никогда!

– Трудно, дяденька, ручаться по нынешним временам.

– Зарядил: трудно... Я и жалованье прибавил, и, наконец, у меня знают, как я на хищение смотрю... Хищник у меня, братец, держись только... Ты, верно, не читал моих циркуляров? Некоторые из них в газетах даже были напечатаны как образец... Прочитай-ка, да и говори потом...

И дяденька дал мне довольно большой томик приказов и циркуляров, в которых увещательных и грозных посланий насчет хищения было немало. В одном из таких посланий, между прочим, говорилось: "Хищение будет мною преследоваться по всей строгости законов. Все можно извинить, но хищение никогда. Хищение – это язва, разъедающая наш орга-

низм; я надеюсь, что наш округ останется чист от каких бы то ни было нареканий в лихоимстве” и так далее. В послании, появившемся вслед за назначением Протаса Ивановича на место, было изображено: “Я считаю долгом объясниться коротко и ясно. Я простой русский человек и изворотов не люблю. Бескорыстие, правдивость и трудолюбие – вот главные качества, составляющие украшение человека, а тем более чиновника. С ними всякий может смело рассчитывать на меня. Я жажду правды, одной правды и ничего более! Пусть каждый смотрит на меня не как на начальника, а как на старшего товарища и попросту, по-русски, говорит в глаза “правду-матку”... Но да трепещет лихоимец, если только таковой скрывается между нами. Пусть лучше он заранее бросает службу, – иначе его ждет немилосердная кара. С хищниками я буду беспощаден. Ни слезы, ни раскаяние, ни многочисленное семейство – ничто не остановит меня... Каждая неправильно стяжанная у казны копейка есть преступление, ничем не оправдываемое”.

В Коломне и на Песках эти послания нередко читались вместо посланий святых апостолов, на сон грядущий, и производили немалую сенсацию среди бесчисленной родни Протаса Ивановича.

– Протас-то Иванович каков! Готовился в ветеринары, а теперь... поди ты!

– Ум, ум-то какой!.. А ведь обучался на медные деньги!

– И правду-то как любит! Намедни, слышал?.. Приехал он в Петербург и явился к князю Остроленкову. Ну, там, разумеется, все по этикету, у князя-то, как следует в высшем обществе, а наш-то простец этого не любит... Князь спрашивает о чем-то дяденькиного мнения, а он-то, наш Протас Иваныч, начистоту: “Извините, говорит, ваше сиятельство, я, говорит, русский, простой человек, я, говорит, не знаю по-французски и всяких, говорит, там выкрутасов... Я от души, напрямки”. Да так-таки прямо и выложил ему свою душу-то!

– А князь что?..

– Его сиятельство тоже настоящий русский человек. Он потрепал Протаса Иваныча по плечу так ласково и говорит: “Правды-то нам и нужно, Протас Иванович! Все нынче изолгались и врут, говорит, как сивые мерина. Я и не знаю, кому верить... Так как же не ценить нам таких простых людей, как вы”. При этих словах и Протас Иваныч не выдержал – ты знаешь ведь его сердце? – он заплакал и от полноты чувств князя-то в ручку, а сам шепчет: “Не обессудьте, ваше сиятельство! Я, говорит, не могу, сердце переполнено от таких слов... Я русак бесхитростный”. И тогда его сиятельство изволили обнять его, и, обнявшись, они просто-

яли так минуты две и оба плакали... А за правду-то Протасу Иванычу велели выдать подъемных две с половиной тысячи... И то сказать: мундирчик-то на нем был ветхенький; его сиятельство обратили внимание, а Протас Иваныч на это замечание опять-таки прямо, наотмашь: “Не из чего мне, ваше сиятельство, новых мундирчиков шить. Можно походить и в старом мундирчике, подкладочку новую ластиковую поставить, что ли, если душа чистая”. И тут же, попросту, продекламировал:

Вот идет Петрушка -
Черный трубочист,
Хоть лицом он грязен,
Но душою чист...

Его сиятельству очень понравился этот стишок... Он несколько раз заставил Протаса Иваныча повторить его и просил записать на память, причем, как рассказывал Протас Иваныч, дал о стишке такой одобрителный отзыв: “Стишок отменно хорош и остроумен. Автор выразил в нем патриотические чувства и зрелый талант”.

II

Одним словом, про дяденьку Протаса Ивановича ходило немало рассказов, свидетельствующих об его уме, находчивости, бескорыстии и, главное, об его способности резать “правду-матку”, ни перед кем не стесняясь, с наивной грубостью медведя и с чисто-сердечием откровенного человека.

И – что всего удивительнее – эта откровенность не только не представляла неудобств, а, напротив, усеяла жизненный путь Протаса Ивановича розами и фиалками.

Протас Иванович еще и в молодых годах не стеснялся резать “правду-матку” и этим самым отличался от своих товарищей по успехам в жизни. Товарищи его не столь плотные, как дяденька, не имели такого пристрастия к откровенности и, напротив, достигли успехов тощим видом, скромностью и готовностью иметь столько правд у себя в боковом кармане, сколько находилось над ними начальников.

Дяденьке Протасу Ивановичу, очевидно, не к лицу были такие приемы. Он и в молодые годы был коренаст и необыкновенно толст, имел широкую грудь и короткую шею, на которой была помещена большая голова, с трудом поворачивающаяся, точно она была

пришита к затылку. С такую наружностью как ни ухитришься, а трудно пробраться в задний карман начальства и сидеть в нем, как в маленьком раю. Тощему это можно, а толстому – нельзя. И как ни старайся, а никак не сделаешь из румяного, брызжущего здоровьем, широкого мясистого лица с вечно веселой улыбкой – той изжелта-бледной физиономии без улыбки, а с одной только готовностью умереть во всякое время дня и ночи, – которой обыкновенно отличаются худощавые люди, достигающие намеченной цели тихонько, не торопясь, более помалчивая, чем болтая.

А мой дяденька к тому же был болтлив, как сорока. Он болтал, не останавливаясь, кряду по пяти часов, сидя за своим письменным столиком, – и как он ухитрялся, это уж его дело, – но только порученные ему дела исполнялись как следует тощими переписчиками. Он, бывало, подмахнет и опять болтает насчет того, что без правды никак нельзя жить на свете такому толстому и веселому человеку.

Он и тогда уж резал “матку-правду”, так что худощавые его товарищи не без удовольствия чаяли, что скоро Протаса Ивановича уберут и заменят его тощим человеком. Однажды он так горячо объяснял своему непосредственному начальнику о том, что он русский человек и – “уж прошу меня простить” – любит по простоте резать “матку-правду” (эти два слова были

его любимыми и впоследствии он даже испросил разрешение включить их в свой герб), что все худощавые ждали неминуемого скандала, так неистово Протас Иванович бил себя в грудь кулаком и так громко говорил в глаза такие вещи, о которых обыкновенно только думают. Но, к общему изумлению, никакого скандала не произошло. Напротив, непосредственный начальник (тоже из худощавых) как-то особенно пристально взглядывал на Протаса Ивановича и, когда последний несколько успокоился, вытер слезу благородного негодования, стер пот со своего лба и перестал терзать свою широкую грудь увесистым кулаком, худощавый начальник тихо, с едва заметной улыбкой на тонких губах, взял его под руку, отвел к себе в кабинет и спросил:

– А сколько вам лет, молодой человек?

– Двадцать семь!

– Вы, молодой человек, далеко пойдете... В вас оригинальность есть... Впрочем, как же и не быть?... Эх вас разнесло как! – улыбнулся начальник не то насмешливо, не то как-то загадочно. – Вам нельзя, как нам, худощавым... Хе... хе... хе... А за вашу правду благодарю... очень даже, но жаль, молодой человек, что я не могу воспользоваться ею как следует... Вы, верно, еще не знаете?... Я уволен в отставку и... – худощавый запнулся, – и уж не имею возможности оце-

нить вашей прямоты по достоинству!

Худощавый протянул руку и взглянул опять в глаза Протасу Ивановичу, но – странное дело! – Протас Иванович осовел, лицо его вдруг потеряло выражение благородного негодования, и глаза как-то смотрели вкось, избегая встречи с глазами бывшего непосредственного начальника.

– Ну, желаю вам, молодой человек, всего хорошего... Если, когда что... не забудьте и нас... Эх вас разнесло!.. Хе... хе... хе!..

Когда худощавые товарищи увидали осовелое лицо Протаса Ивановича и весело заключили, что отныне он уж лишен возможности резать “правду-матушку” и должен будет уехать по крайней мере в Америку, – все бросились его поздравлять и пожимать ему руки за мужество и доблесть, только что им проявленные. Но Протас Иванович (недаром он тогда еще был молод!) принял товарищеские излияния как-то холодно и раньше времени ушел домой.

Но когда через неделю худощавые узнали, что выходит в отставку не Протас Иванович, а непосредственный начальник, то изумлению не было пределов. Большинство худощавых вдруг пошли к лучшим врачам и стали настоятельно требовать самых радикальных средств для того, чтобы пополнеть. Люди, не пившие пива, стали душить его в несметном количе-

стве, люди, не любившие мучного, стали надоедать женам, чтобы за обедом было побольше мучного и поменьше говядины.

– Да что это с вами? – говорили жены.

– А то с нами, что нужно нам пополнить.

– Зачем это?

– А Протас Иванович... Слышали?..

Шел, конечно, рассказ о Протасе Ивановиче с приличными комментариями и с прискорбным прибавлением, что он не только не уехал в Америку, а, напротив, получил высший оклад.

Жены, разумеется, охотно стали заказывать пироги, и я не знаю, чем бы кончилась эта революция худощавых, если бы не случилось обстоятельства, заставившего худощавых бросить лечение, пиво и пироги и пожелать снова оставаться в штате худощавых.

Случай вышел такой.

Одного худенького, совсем худенького человека терзала мысль, что ему, несмотря на мучную пищу, пришлось бы, по точному расчету одного известного врача, ждать ровно три года и пять месяцев с восемью днями до того времени, когда он может достигнуть четверти той плотности, какой обладает Протас Иванович. Худенький не мог похвастать большим терпением. Он решил не дожидаться определенного врачами срока и предупредить товарищей, которые, к его

ужасу, стали было уже полнеть не по дням, а по часам. У него созрела мысль, мысль эта была поддержана его супругой, и вот, в одно прекрасное утро, худенький пришел в департамент и сразу заходил по департаменту таким гоголем, что все начали спрашивать: не выиграл ли он двухсот тысяч?

– Нет! – как-то загадочно отвечал худенький.

– Наследство получил?

– И наследства не получал.

– Начальник поцеловал?..

– Нужны мне его поцелуи! – вдруг обрезал он так решительно, что все только разинули рты и не могли проронить слова.

Как раз в ту пору вошел начальник, ласково со всеми поздоровался и, между прочим, заметил самому худенькому:

– А ту бумажечку, о которой я вас просил, изготовили?

– Нет, не изготовил! – произнес худенький решительно.

Все сидели словно бы очарованные. Даже сам начальник и тот на секунду очаровался.

– Почему?

– А потому, что... Уж вы меня простите... Я русский человек и привык правду-матку резать... Я не могу никак видеть, как нарушается правильное течение бу-

маг... Я человек откровенный... Я...

И худенький стал колотить себя худеньким кулачком по худенькой груди и, насколько позволяло сил, снова выкрикивать “правду-матку”.

– Вы не больны ли? – осведомился начальник.

– Нет-с, я, слава богу, здоров!

– Здоровы? А кажется мне, что вы настолько больны, что вам нужно будет полечиться!

С этими словами начальник ушел.

А худенький все сидит гоголем и думает, что вот-вот ему сейчас же принесут известие о высшем окладе, даже и товарищи его не без зависти смотрели на его задорный вид и, прозревши каверзу, чуть ли не громко называли его “интриганом” (обещал лечиться и пополнеть и вдруг такую штуку отмочил!). Но когда через два часа худенькому принесли подлинную резолюцию об увольнении без прошения, то он долго еще не мог прийти в себя и, свесив голову на грудь, только повторял:

– Да как же это... как же! А Протас Иваныч?

Все худощавые тоже пришли в недоумение и тут же решили бросить диету. Один Протас Иванович весело хихикал и болтал соседу, что ему без “правды-матки” не жить.

И вскоре, как нарочно, открылся блестящий случай доказать это. В те места, где жил дяденька, приехал

начальник, который требовал “правды, одной правды и больше ничего”. Вслед за тем понадобился откровенный человек, самый, что называется, откровенный, для исполнения какого-то поручения.

Пришли выбирать. Осмотрели всех. Видят, всё какие-то неоткровенные лица, в которых преданности много, но откровенности мало. Хотели было уже уходить, как вдруг взгляд скользнул по лицу Протаса Ивановича, остановился и радостно блеснул при виде этого широкого добродушного лица. “Господи! Да это самая откровенность и есть! А мы ищем!”

– Молодой человек... Нам нужен...

– Я, ваше превосходительство, не гожусь! – не стесняясь, перебивает молодой человек. – Я, ваше превосходительство, русский человек и люблю резать правду-матку... Я...

– Да вы позвольте... дайте нам досказать, молодой человек...

Но “молодой человек” стал еще пуще горячиться и забил себя снова так кулаками в грудь, что худощавые опять подумали, что теперь шабаш, придется уехать этому толстяку в Австралию. Они не забыли еще случая с худеньким и испуганно слушали, как толстяк с азартом восклицал:

– Я, ваше превосходительство, не гожусь... Я все, что увижу, все так по-русски, без прикрас, и выложу...

Злоупотреблений не прикрою-с... Нет-с... Я русский человек, душа простая, любит правду-матку... Мне главное – правда, без того я сейчас бы умер... И что жить без правды? Я не умею по-дипломатически... Я попросту, без затей. Нет уж, увольте меня, ваше превосходительство... Я...

Но, к общему изумлению, вместо негодования в глазах начальства стоял тот снисходительно поощрительный взгляд, которым часто матери смотрят на своего резвого малютку, выказывающего, по их мнению, большие способности.

– Такого-то нам и нужно, молодой человек... Одной правды, правды и ничего, кроме правды. Довольно мы слушали льстивых слов. Дайте нам правды!..

И с этими словами молодого человека увели под руку, а худощавые как сидели с разинутыми ртами, так и остались до тех пор, пока не пришел сторож и не сказал, что время закрывать рты.

Молодой человек вполне оправдал доверие. Он говорил правду, одну правду и более ничего.

– Ваше превосходительство... я не могу... Я русский, люблю матку-правду...

– Что с вами, молодой человек?

– Не могу, ваше превосходительство, скрыть, хотя бы за это мне пришлось пострадать... У нас, ваше превосходительство, сторожа воруют перья и бума-

гу...

– Благодарю вас, молодой человек, за открытие этого злоупотребления... Очень вам благодарен... Вы знаете, я требую от подчиненных правды, одной правды и более ничего.

– Я, ваше превосходительство, люблю правду. Для меня главное, ваше превосходительство, правда... Я русский простой человек и хитрить не умею...

– Да вы успокойтесь, молодой человек... что с вами?.. Успокойтесь, – говорил начальник, усаживая взволнованного молодого человека в кресло.

– Не могу, ваше превосходительство, успокоиться. Простите, ваше превосходительство, я русский человек, простой... Что на уме, то и на языке...

– И прекрасно... Вы знаете, я прошу правды, одной правды и более ничего...

– Это, ваше превосходительство, меня и трогает... Я, можно даже сказать, полюбил вас, как родного отца, именно за то, что вы изволите не бояться правды...

– Так что же, молодой человек, вы хотели оказать?.. Говорите!

– Вы, ваше превосходительство... Уж вы меня простите за простоту... Вы изволили поступить незаконно...

Его превосходительство хмурится...

– В чем же, молодой человек?..

– Вы приказали выдать сторожу пять рублей награды, а по закону ему полагается три с полтиной!.. – задыхаясь от волнения, докладывал молодой человек. – Казенный интерес, таким образом, терпит ущерб...

– Спасибо... спасибо. Вы правы... Мы исправим эту оплошность... Благодарю вас! Вы ведь знаете, что я прошу правды, одной правды и ничего более...

Его превосходительство прижал молодого человека к груди.

– Всегда поступайте так... Это честно и благородно... Нам нужны люди, которые не боятся правды.

Кажется, и не особенно мудреные слова говорил Протас Иванович, да вдобавок еще и слова-то были всё одни и те же, и запас их был далеко не разнообразен, но, сказанные вовремя и с умом, они производили надлежащий эффект, так что слух об откровенном молодом человеке, говорящем правду не стесняясь, тогда как товарищи всё еще продолжали стесняться, распространился повсюду. На молодого человека обратили внимание; ему стали давать лестные поручения. Бескорыстие и откровенность его сделались общепризнанным фактом, так что даже в газетах появились корреспонденции, сообщавшие о появившемся чуде – о человеке, говорящем в глаза правду, одну

правду и ничего более. Слава его росла. Ни от каких поручений он не отказывался. Он утверждал, что русский человек все смекнуть может, и любил повторять анекдоты о самоучках... Надо ли было исследовать вопрос о ловле трески, он брался за треску, ехал на место и в неделю исследовал; надо ли было свидетельствовать леса, он, нимало не задумываясь, свидетельствовал; требовалось ли изыскать меры для улучшения конских пород, худо ли, хорошо ли, но он изыскивал и горячо докладывал об этом кому следует.

– На все руки вы мастер! – похваливали его и ценили как правдивого и откровенного человека.

Он, по словам родственников и знакомых, был в молодости превосходный ветеринар и избавил весь уезд от сибирской язвы благодаря средству, дотоле неизвестному в медицине, но выдуманному Протасом Ивановичем (состав из купороса, соли, дегтя и махорки). Затем он был отличным исправником, после чего не менее превосходным педагогом, пока, наконец, не обнаружил необыкновенных высших способностей. “И всегда до всего доходил своим умом, всегда из нутра, из своего русского нутра, выдумывал”. Далее рассказывали совсем уж неправдоподобную историю о том, как Протас Иванович десятью хлебами накормил неурожайную губернию¹, и, наконец, пе-

---

¹ ...как Протас Иванович десятью хлебами накормил неурожайную

редавали легенду об огурце, причем в Коломне и на Песках я слышал различные варианты этой легенды; однако основание легенды было одно и то же и относилось ко времени путешествия Протаса Ивановича за границу для изучения на месте различных способов приготовления селедки...

Во время проезда через княжество Лихтенштейн², ее светлость княгиня Лихтенштейнская удостоила Протаса Ивановича пригласить к себе; хотя Протас Иванович ни по-французски, ни по-немецки не говорил, но тем не менее при помощи мимики и некоторых слов произвел на ее светлость очень хорошее впечатление, особенно после эпизода с огурцом. Вышло это так: показывая Протасу Ивановичу свой огород и жалуясь, что она, принцесса, по малости населения, принуждена сама входить во все и даже смотреть за огородом – иначе того и гляди Бисмарк отнимет и последнее достояние!³ – принцесса изволила собственноручно сорвать огурец и предложила Про-

---

губернию... – “Деяние” Протаса Ивановича автор уподобляет евангельскому чуду (Евангелие от Луки, гл. 9, ст. 13-17).

² *Княжество Лихтенштейн* – государство в Центральной Европе на правом берегу Рейна.

³ *...Бисмарк отнимет и последнее достояние!..* – С 70-х годов княжество Лихтенштейн, по существу, находилось в зависимости от Австрии, которая, в свою очередь, по договору 1879 года попала в зависимость от Германии, правительство которой возглавлял канцлер Бисмарк.

тасу Ивановичу огурец этот скушать, причем указала ручкой, как это сделать. Но Протас Иванович вместо того огурец-то этот поцеловал (в забывчивости не утерев с него даже навоза) и знаками дал понять, что огурец он не съест ни за что, а сохранит его на память, как некоторый талисман. Принцесса Лихтенштейнская, не привыкшая, натурально, к выражению таких благородных чувств – много ль у нее-то и подданных? – была необычайно этим тронута и дала Протасу Ивановичу еще один огурец, но уже поменьше – немка была скупенька! – но с той поры все узнали, как сильны чувства у нашего Протаса Ивановича!..

Так передавалась эта легенда в Коломне. На Песках она передавалась несколько иначе. Там действующим лицом была не принцесса Лихтенштейнская, а восточный принц Абдул-хан, и рассказывалось уже не об огурце, а о подошве, данной будто бы его высочеством Протасу Ивановичу в подарок и тоже сохраненной дяденькой в качестве талисмана...

Нет сомнения, что все эти легенды сочинялись в Коломне и на Песках многочисленными родственниками, но факт сочинения таких легенд тем не менее показывал, как все любили Протаса Ивановича. И действительно, имя дяденьки произносилось между родными всегда с особенным уважением и какою-то торжественностью, а когда он жаловал к кому-нибудь

из родных и подчиненных на пирог или на тарелку супа, то такое посещение давало пищу восторгам на долгое время.

III

И то сказать, как было его не любить! Какую массу родных и знакомых пристроил он к местам... Тому местечко, другому, третьему, десятому... “В пятом колене и то родство признает!” – говорили про дяденьку родственницы. Попросят его за братца или за свояка, он призовет претендента и начнет исповедовать:

– Здравый смысл у тебя есть?

– Кажется, дяденька... Я и аттестат имею... В гимназии курс кончил...

– Ты глупостей мне не говори... Зачем мне твой аттестат?... Очень нужно мне знать, что ты там разные глупости проходил... Это даже лишнее... Я вот ветеринаром был, а слава богу... Так если бог рассудком не обидел – всему научиться можешь...

– Слушаю, дяденька...

– Только у меня знаешь... Правда и правда... Слышишь?

– Помилуйте...

– То-то!.. Смотри, служи честно и не думай о хищении... Наше ведомство заслужило дурную репутацию на этот счет, но теперь у нас... У меня тут все видно!.. – добавлял он, показывая на свои таблицы. – Ну, с богом, недельку, другую присмотрись, а там и на ме-

сто.

Смотришь, Васенька или Петенька уже ехал через недельку, другую на место и годика через два возвращался погостить в Петербург, как будто пооперившись... И поступь делалась тверже, и голос уверенней... одним словом, видно было, что человек на кормах.

Помню очень хорошо, как однажды, на вечере у коломенской тетеньки, я встретил одного из таких родственников, пригретых дяденькой.

Митенька был скромный, очень скромный, добронравный и даже чувствительный молодой человек, оперившийся с тех пор, как дяденька пристроил его. До того он искал мест и нередко сокрушался, что покойный папенька его был “неисправимым идеалистом”, служил в таможне и умер голяком.

– Если бы папенька побольше думал о своих детях, мы не терпели бы лишений. Я бы кончил курс как следует и был бы опорой маменьке! – говаривал он, бывало.

Вот этот-то скромный молодой человек рассказывал мне, как теперь благодаря дяденьке очистилось ведомство и как у них все “честно и благородно”.

– Хищения нет?

– Что вы? При дяденьке? – ужаснулся даже молодой человек.

И все родственники в один голос повторили:

– При дяденьке? При Протасе Иваныче?! Как вам не стыдно подумать!

И затем начались перечисления добродетелей Протаса Ивановича. Сколько он делает добра! Какой он родственный! Дошло до того, что стали стыдить меня за то, что я родной племянник и не схожу попросить себе места.

– Да у меня, слава богу, есть работа; целый день занят!

– Все равно... Он тебя запишет для жалованья – он примет во внимание твое семейное положение... Он добрый. Вот Петя, Женечкин брат, двести рублей в месяц получает, а живет в Париже... А Костя Куроцапкин, двоюродный племянник?... А Васенька?... А Колю командировали в Италию, чтоб дать возможность же не его лечиться в Ницце...

Следовало еще перечисление имен... Все оживились, восхваляя наперерыв дяденьку Протаса Ивановича. Коломна и Пески читали единодушно акафист⁴. Никто не находил странным, что можно получать жалованье, не ходивши даже на службу. “Все равно, по штату деньги полагаются... Не возвращать же их в казну... Пусть лучше пойдут бедному человеку!” и так далее. Тут же, в виде похвалы Протасу Ивановичу, со-

---

⁴ *Акафист* – род хвалебного церковного песнопения.

общили, как он, выдавая дочь замуж за своего подчиненного, испросил пособие и для жениха и для себя. Приданое и сделал. Мало-помалу из рассказов выяснилось, что Протас Иванович и от командировок получает довольно и что, наконец, Протасу Ивановичу и землицы изрядный кус отрезали в Западном крае, и всё за его прямоту да честность...

Одна только Агафья Тихоновна, ядовитая вдова статского советника, восстала против общего мнения и зашипела. Она назвала Протаса Ивановича “Пролазом Ивановичем” и даже выказала арифметические способности, начавши перечислять, сколько дяденька “срывает” в год разных дополнительных сборов. То же и относительно подчиненных дяденьки она далеко не была того мнения, чтобы они поступали честно и благородно. “Отчего это “некоторые” (и при этом Агафья Тихоновна довольно ехидно взглянула на скромного молодого человека), уезжая на службу, с позволения сказать, без сапог и получая – “мы знаем, какое жалованье!” – годика через два дарят женам черно-бурых лисиц и покупают брильянты... Небось на жалованье?!?”

Но ядовитой статской советнице не дали продолжать. На нее напали со всех сторон, и кто-то прямо выпалил, что она имеет “личности” против дяденьки.

– Она за сына хлопотала, а Протас Иваныч, при

всем желании, не мог определить сынка ее! – говорила мне под шумок одна молодая родственница. – Ты ведь знаешь, какой оболтус ее сынок? Идиот совсем! До пятидесяти сосчитать не может. Дяденька принужден был отказать, вот она и злится на дяденьку!

Несмотря на протесты, статская советница продолжала, однако, отбиваться. То и дело с ее уст срывались ехидные замечания насчет “Пролаза Ивановича”. И даже – о святотатство! – легенду об огурце она норовила объяснить совсем иначе...

Солидный молодой человек, однако, успел утишить бурю, пошептавшись с тетенькой Агафьей Тихоновной. Что такое он шептал, бог его знает, но только Агафья Тихоновна усмирилась! После сказывали, что он ей обещал подарить персидскую шаль, приобретенную им по случаю. Надо тут заметить, что почти все предметы ввоза приобретались в этой компании “по случаю” и, таким образом, “случай” был хорошим подспорьем по хозяйству.

К концу ужина, когда вина, приобретенные тоже, разумеется, “по случаю”, внесли еще большее оживление, скромный молодой человек, сидевший рядом со мной, значительно подпил; на Митеньку вдруг напала какая-то отвага, и он счел своим долгом высказаться. Во-первых, он заявил о своих гражданских чувствах, хотя в них никто не сомневался, и объявил громоглас-

но, что он истинный патриот. Затем стал рассказывать, как он живет в своей провинции. У него и повар и лошадки резвые, дом – полная чаша, жену он балует, маменьке служит подпорой, вообще живет как “порядочный человек”.

– И на черный день кое-что прикапливаем! – прибавил он горделиво в заключение.

– Видно, дешево жить?

– Дешево не дешево, а жить там хорошо. Можно жить, братец!

– Доходцы есть?

– Есть-таки и хорошие доходцы!..

Испробовав вин разных сортов, сосед мой окончательно вошел в азарт. Глаза его загорелись плотоядным блеском, когда он стал пояснять мне, какие у них доходцы. Мне казалось, что он хвастал, фамильярно обращаясь с цифрами, и тогда он, несколько даже обиженный, что я не верю ему, входил в подробности и хвалился, как все это у них правильно и хорошо организовано, совсем на коммерческом основании. Притом он ни разу не упомянул слова “взятка”, а говорил лишь о “комиссии”, о “соглашении” и тому подобном. Чем более он рассказывал, тем более оживлялся и бахвалился.

– Прежде не то еще было! – проговорил он, видимо довольный произведенным впечатлением.

– Неужто?

– Это, братец, целая поэма... Тогда в два-три года можно было, при случае, нажать огромное состояние... Например, если партия фальшивых ассигнаций или...

– Но как же дяденька?.. – перебил я, – ведь у него таблицы?

– Таблицы?! – засмеялся Митенька пьяным смехом. – Как же, как же! Дяденька превосходный человек, но тут у него гвоздь! – показал он на свой лоб. – Таблицы?!. Мы над этими таблицами много смеемся. Ведь у нас, братец, жизнь, а не таблицы!

И он снова разразился самым паскудным смехом.

Я вспомнил, что этот скромный молодой человек в дяденькиной “таблице нравственности” значился под лиловым кружком, и, признаться, пожалел дяденьку...

– Мы очень ценим дяденьку! – продолжал молодой человек, – очень ценим и никогда не подведем его, нет! У нас все довольно остроумно устроено...

IV

Месяца через два после этого разговора пронесся зловещий слух о грандиозном хищении в ведомстве, где служил дяденька; говорили, что прикосновенных накрыли. Вскоре слух этот попал и в газеты; по словам корреспондентов, обнаружилось нечто действительно колоссальное. В Коломне и Песках наступила паника.

Все родственники ходили как ошалелые; многие отравились пешком к Сергию⁵ излить горе в молитве; нечего и говорить, что все сочувствовали Протасу Ивановичу, бранили этих “подлецов”, забывших бога, которые подвели дяденьку, и горько сожалели, что теперь, пожалуй, многим из них не придется приобретать “по случаю” разных необходимых предметов по хозяйству. “Как-то теперь будет жить дяденька?.. Он ведь себе ничего не прикопил! Бессребреник ведь дяденька!” Но ехидная статская советница и при таких обстоятельствах не удержала своего языка.

– Пролаз-то Иваныч не прикопил? – заметила она. – Он-то?!

И, задыхаясь от волнения, словно боясь, что ей

---

⁵ ...пешком к Сергию... – Имеется в виду Троице-Сергиевская пустынь в 15 верстах от Петербурга.

не дадут говорить, она начала перечислять, сколько “урвал” дяденька разными подъемными, пособиями, остаточными и так далее, и заключила свою ехидную речь восклицанием: “Пролаз Иваныч не пропадет... не таковский!”

Я отправился к дяденьке Протасу Ивановичу узнать правду. Вхожу в кабинет. Он шагает быстрыми, нервными шагами, взволнованный, расстроенный. Увидав меня, он остановился, протянул руку и остановил на мне свой взгляд. Какое-то недоумение стояло в этом взгляде маленьких глаз, в чертах этого мясистого, широкого лица.

– Кто бы мог этого ожидать! – проговорил он наконец. – Кажется, у меня сосредоточены все сведения... (Он указал рукой на стену, покрытую картами и таблицами.) И вдруг... Подлецы!

Я не знаю, закралось ли в его гениальную голову чувство недоверия к таблицам, или какая-нибудь новая “предупреждающая” таблица озарила его мозг, но только он поник головой и несколько времени молча стоял перед этими таблицами, скрестивши руки, как Наполеон на статуэтках.

– Кажется, я должен был служить им примером! – с горечью проговорил дяденька. – Я действовал честно, и эти подлецы меня подвели, а еще родственники! Ты знаешь, Митенька один из главных мошенников?

Митенька, которого я в люди вывел!

Он разразился гневом и обещал никого не пощадить. Себя он считал невинной жертвой.

Дяденька Протас Иванович в самом деле был поражен. Слишком уж грандиозное было хищение; практиковалось оно давно и было организовано по всем правилам мошеннического искусства. А не он ли был уверен, что уничтожил хищение и завел настоящие порядки? Не он ли выдумывал таблицы, даже осуществил мою мысль о диаграмме нравственности и писал грозные послания к подчиненным коринфянам?⁶ По поводу этих посланий некоторые газеты даже пришли в умиление и прозрели новую эру. Не он ли, в начале своей деятельности, показал пример на двух чиновниках, повинных в лихоимстве? Не он ли ежегодно получал подъемные, чтобы лично удостовериться, везде ли порядок и правда, везде ли то самое, что показывали ему таблицы?.. Он ездил, осматривал, одобрял и вдруг приходится стукнуться крепким лбом в стену и увидеть в один прекрасный день – и то по указанию других, – что все это здание с таблицами, циркулярами, экзаменами и прочим и прочим, выво-

---

⁶ ...писал грозные послания к подчиненным коринфянам? – то есть обличал и наставлял своих подчиненных на путь истины, подобно тому, как это делал апостол Павел в своих посланиях к членам христианской общины Коринфа.

димое с любовью и гордостью, – построено на песке и оказывается вполне гнилым и никуда негодным... Хищение не только не было им уничтожено, но как будто нагло смеялось в глаза и говорило:

“На-ко съешь!”

Примечания

ДЯДЕНЬКА ПРОТАС ИВАНОВИЧ

Впервые – в сборнике “Современные картинки”, СПб., 1892, с подзаголовком: “Из прошлого”.

Основой для рассказа послужил один из очерков цикла “Картинки общественной жизни”, напечатанный в журнале “Дело”, 1882, за подписью: Откровенный писатель.

Л.Барбашова